

Мартынова Елена Святославовна
НИУ ВШЭ,
Россия, Москва,
nefriema@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7355-4544>

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ
ИНИЦИАТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ
ПОЛИТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
СТРАТЕГИЙ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ В АЗИИ
И ПОЗИЦИЯ АСЕАН**

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее масштабные трансрегиональные инициативы, анонсированные в период с 2010-х гг. Это конкурирующие проекты торговых соглашений – ВРЭП и ТТП, а также глобальные геополитические проекты – китайский – один пояс – один путь, созданный под эгидой США Четырехсторонний диалог по безопасности и Большое евразийское партнерство, которое продвигает РФ. Проведенный анализ показывает, что, фактически, Китай перехватил инициативу по формированию нового мирового порядка. В настоящее время китайские стратегические проекты являются наиболее масштабными, последовательными и привлекательными по сравнению с предложениями других ведущих держав. Приходится констатировать, что форматы сотрудничества на базе АСЕАН уже в ближайшее время могут стать политическим анахронизмом, которым все будут отдавать дань уважения, но ключевые решения будут приниматься на других площадках.

Ключевые слова: *АСЕАН, один пояс – один путь, Индо-Тихоокеанский регион, Четырехсторонний диалог по безопасности, Ассоциация стран Индийского океана, Азиатско-Африканский коридор роста*

Для цитирования: *Мартынова Е.С.* Глобальные трансрегиональные инициативы в современной мировой политике: эволюция внешнеполитических стратегий ведущих держав в Азии и позиция АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 30–48. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-030-048

**Global Transregional Initiatives in Contemporary
World Politics: Evolution of the Leading Powers Foreign
Policy Strategies in Asia and the ASEAN Position**

Abstract: This article focuses on the most ambitious integration initiatives, negotiations on which in recent years have been the main topic of meetings of heads of state at the highest level and at meetings of intergovernmental organizations. First of all, there are competing trade agreements – RCEP and TPP, as well as global geopolitical projects – the Chinese Belt and Road Initiative, the Quadrilateral Security Dialogue created under the auspices of the United States and the Great Eurasian partnership promoted by the Russian Federation. The analysis shows that, in fact, China has taken over the initiative to form a new world order. Currently, Chinese strategic projects are the most ambitious, consistent and attractive in comparison with the proposals of other leading powers. We have to admit that the formats of cooperation on the basis of ASEAN may become a political anachronism in the near future, to which everyone will pay tribute, but key decisions will be made at other venues.

Keywords: *ASEAN, Belt and Road Initiative, Indo-Pacific, Quadrilateral Security Dialogue, Indian Ocean Rim Association, Asia-Africa Growth Corridor*

Elena S. Martynova, HSE, Russia, Moscow, nefriema@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7355-4544>

For citation: Martynova Elena S. Global Transregional Initiatives in Contemporary World Politics: Evolution of the Leading Powers Foreign Policy Strategies in Asia and the ASEAN Position *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. II, № 2 (51). Pp. 30–48. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-030-048

США. В период президентских сроков Б. Обамы (2009–2016 гг.) США активно продвигали политику «стратегического разворота к Азии». В это время наблюдалось и повышение роли АСЕАН в иерархии внешнеполитических приоритетов США. За время пребывания у власти Б. Обама 7 раз побывал в странах АСЕАН, 11 раз встречался с лидерами этих стран отдельно или в кулуарах различных форумов. США также активно участвовали во всех форумах под эгидой АСЕАН. В 2015 г. на саммите АСЕАН-США в г. Куала-Лумпуре было решено повысить статус отношений между ними до стратегического партнерства. А в 2016 г. саммит АСЕАН-США впервые прошел на американской территории (Санниленд, Калифорния), что также демонстрировало заинтересованность США в углублении отношений со странами региона.

Соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП) было подписано 4 февраля 2016 г. в Окленде, Новая Зеландия. Целью этого преференциального торгового соглашения является снижение тарифных барьеров, а также вопросы трудового права, защита интеллектуальной собственности, введение единых норм регулирования, которые в подобных соглашениях ранее не затрагивались. Следует отметить, что впервые предложение о создании ТТП было выдвинуто в 2003 г. 3-мя странами – Новой Зеландией, Сингапуром и Чили. США стали проявлять интерес к этому проекту с 2008 г. С тех пор ТТП рассматривался как попытка США противодействовать усилению влияния Китая.

После прихода к власти Д. Трампа в 2016 г., несмотря на громкую риторику, присутствие США в регионе заметно сократилось. После выхода США из соглашения о ТТП (23 января 2017 г. был подписан соответствующий указ), поворота к протекционизму и развязывания торговой войны с Китаем, баланс сил в регионе значительно изменился. Формат ТТП продолжает функционировать, так как другие страны-участницы решили сохранить в силе соглашение даже после выхода из него США.

Д. Трамп демонстративно отказался от внешнеполитических лозунгов своего предшественника, но выдвинул концепцию «Индо-Тихоокеанского региона». Он впервые озвучил свою новую геополитическую доктрину «свободного и открытого

Индо-Тихоокеанского региона» на саммите АТЭС в Дананге 10 ноября 2017 г. Тем не менее, автором этого геополитического концепта является премьер-министр Японии С. Абе. В 2007 г. он предложил концепцию создания Индо-Тихоокеанского региона, которую впоследствии позаимствовал Д. Трамп в качестве основы для своей азиатской внешнеполитической стратегии.

Основную ставку в своей азиатской политике Д. Трамп делал на так называемый «Квартет». В 2007 г. был инициирован Четырехсторонний диалог по безопасности (Quad), куда вошли Япония, США, Индия и Австралия. Этот формат многими воспринимается как «азиатское НАТО», поскольку предполагает военно-политическое взаимодействие государств. Ключевую роль в нём играют США, а главным геополитическим соперником всех сторон является Китай. Фактически диалог позиционируется как альянс азиатских демократий против авторитарного Китая. В 2008 г. Австралия отказалась от участия в диалоге, после чего встречи в таком формате не проводились вплоть до 2017 г.

После выхода США из ТТП администрация Д. Трампа стала предпринимать попытки упрочить договорно-правовую базу взаимодействия со своими союзниками в АТР, в результате чего встречи в рамках Диалога возобновились. В 2019 г. на 35-м саммите АСЕАН в рамках Индо-Тихоокеанского бизнес-форума США объявили о запуске инфраструктурного проекта «Сеть голубых точек» (*Blue Dot Network*), которое стало экономическим расширением политического диалога Quad. Однако, в качестве альтернативы китайскому инфраструктурному проекту «пояса и пути» эта инициатива выглядит размыто и неубедительно. Предполагается, что в рамках данной инициативы будет разработан механизм рейтингов, согласно которому будут оцениваться инфраструктурные проекты в соответствии с «международными стандартами». Важно отметить, что при анонсировании новых глобальных инициатив великие державы не забывают апеллировать к авторитету уже существующих объединений. Так, авторы проекта «Сеть голубых точек» подчеркивают, что их инициатива согласуется с целями участников ВАС, а также направлена на исполнение решений, принятых на саммитах G7 и G20.

Что касается АСЕАН, то США в рамках доктрины «Стратегического разворота в Азию» Б. Обамы, поддерживали принцип асеанцентричности в региональных интеграционных структурах в противовес усилению влияния Китая. Однако, в опубликованной в декабре 2017 г. Национальной стратегии безопасности США, подготовленной администрацией Д. Трампа, странам ЮВА посвящен лишь небольшой раздел¹. Это означает, что с позиции США АСЕАН отводится весьма скромное место в будущей региональной архитектуре.

Китай. В связи с изменившимися потребностями стремительно растущей китайской экономики и возросшими политическими амбициями китайского руководства уже с 2000-х гг. Китай стал не только принимать активное участие в интеграционных процессах на пространстве АТР, но и инициировать новые форматы сотрудничества.

В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул глобальный проект по формированию единого евроазиатского торгово-экономического пространства и трансконтинентального транспортного коридора, который получил название «один пояс – один путь» (ОПОП), в настоящее время этот проект чаще называют «Инициатива пояса и пути». Эта инициатива по созданию глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры объединяет два проекта – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века».

Основные задачи, которые призван решить этот глобальный мега-проект: формирование единой трансасиатской транспортной инфраструктуры, ликвидация инвестиционных и торговых барьеров, повышение роли национальных валют и т.д. Инициатива ОПОП фактически сводится к созданию хорошо отлаженной системы международных перевозок, причём Китаю не нужно строить тысячи км железных дорог или другую транспортную инфраструктуру, поскольку большая её часть уже существует. Задача состоит только в том, чтобы модернизировать и соединить в единую систему имеющуюся инфраструктуру, а в случае необходимости — добавить недостающие звенья.

Рис.1 Инициатива «Один пояс – один путь»,

(Источник: ТАСС. Инфографика // <https://tass.ru/infographics/8674>)

Исследователи отмечают, что Китай стремится подключить весь имеющийся институциональный ресурс для реализации столь масштабной задачи. Многостороннее сотрудничество для реализации целей, заявленных в проекте «пояса и пути», осуществляется посредством ШОС, АСЕАН+1, АТЭС, АСЕМ, ДСА, СВМДА, Форума китайско-арабского сотрудничества, Стратегического диалога Китай — ССАГПЗ, ЦАРЭС и некоторых других институтов. При выдвигании своей глобальной инициативы Китай изначально планировал подключить к ее реализации уже действующие структуры.

В мае 2017 г. в Пекине состоялся первый форум высокого уровня по сотрудничеству в рамках проекта ОПОП, а в апреле 2019 г. прошел второй международный форум «пояса и пути». Следует отметить ещё несколько важных диалоговых площадок, через которые китайское руководство активно продвигает масштабные проекты. С 2001 г. Китай проводит финансовый форум Боао², который называют «Восточным Давосом». С 2006 г. в пригороде Пекина проходит Сяншаньский форум по безопасности³. Эту площадку часто рассматривают как китайскую альтер-

нативу Форуму по безопасности Шангри-Ла, где доминирует проамериканская повестка. Этот форум призван способствовать диалогу и сотрудничеству между оборонными ведомствами различных стран, международными организациями и аналитическими центрами. Примечательно, что на официальном сайте форума для его характеристики использована такая формулировка как «полуторный трек» дипломатии, что явно является производным от давно укоренившихся понятий «первого» и «второго» дипломатических треков. Это ещё один пример того, что Китай перенимает успешные наработки других организаций, совершенствует их и адаптирует под свои цели и потребности. С 2015 г. Форум стал проводиться ежегодно, что также свидетельствует об активизации китайской внешней политики.

Какое место Китай отводит странам АСЕАН в своей новой глобальной политической стратегии? Китай не рассматривает страны ЮВА в качестве главных поставщиков сырья и энергоресурсов, но географическое положение этих стран имеет огромное стратегическое значение для реализации проекта «пояса и пути». Страны АСЕАН весьма заинтересованы в китайских инвестициях и кредитах на развитие инфраструктуры, но проекты, финансируемые Китаем, не всегда согласуются с Генеральным планом транспортной взаимосвязанности, утвержденным Ассоциацией. Уже с момента провозглашения этой инициативы Китай стал заключать соглашения с отдельными странами АСЕАН, а не с группировкой в целом. Участие в китайском проекте выгодно для отдельных стран Ассоциации, но во многом не согласуется с целями углубления интеграции внутри АСЕАН. Например, инфраструктурные проекты строительства железных дорог будут связывать эти страны с Китаем, а не между собой. Кроме того, китайские кредиты с высокой процентной ставкой, а также документально фиксируемое обязательство по привлечению китайской рабочей силы для строительства объектов, справедливо вызывают опасения у асеановцев. Некоторые страны уже настаивают на пересмотре ранее заключенных соглашений, считая их условия невыгодными и потенциально опасными.

Индия. После прихода к власти премьер-министра Нарендры Моди внешняя политика Индии заметно активизиро-

валась. В 2014 г. администрация Н. Модии анонсировала политику «Действуй на Востоке», которая является логическим и более активным продолжением предыдущей индийской стратегии «Смотри на Восток».

В ответ на китайский проект «пояса и пути» Индия предложила свои концепции того, где должны пролегать главные торговые маршруты в Индийском океане – проекты «Муссон» («Mausam») и «Дорога специй» («Spice Road Initiative»). В 2015 г. эти идеи получили дальнейшее развитие в концепции проекта «Хлопковые пути» («Cotton Routes»). Географический охват этого проекта также пролегает по древним торговым путям, по которым осуществлялась торговля индийским хлопком⁴. Аналогия с китайским проектом Экономического пояса Шелкового пути, который также проходит по старинным торговым маршрутам, более чем очевидна. Примечательно, что со стороны Китая поступало предложение о сопряжении индийских инфраструктурных проектов с инициативой «пояса и пути», но официального ответа со стороны Индии не последовало.

Важную роль Индия отводит ещё одной международной организации – Ассоциации стран Индийского океана (*Indian Ocean Rim Association, IORA*). Этот формат был запущен в 1995 г. по инициативе Индии и ЮАР, а фактически стал функционировать с 1997 г. С 2015 г. под эгидой IORA регулярно проходит Диалог Индийского Океана (*The Indian Ocean Dialogue, IOD*), который относится к так называемому полуторному дипломатическому треку, где собираются представители академического сообщества, эксперты, аналитики и политики стран-участниц. Этот формат взаимодействия также инициировала Индия. В марте 2017 г. в Индонезии впервые состоялся саммит лидеров стран-участниц Ассоциации стран Индийского океана, что свидетельствует о важности этой организации для ее членов. Как отмечают наблюдатели, IORA – это гибкий инструмент консолидации региона, куда внерегиональные державы допускаются только на правах партнёров по диалогу. В настоящее время Китай, США, Япония и ряд европейских стран имеют статус партнеров по диалогу. Из стран АСЕАН членами Ассоциации стран Индийского океана являются Индонезия, Малайзия, Сингапур и Таиланд.

В 2014 г. по инициативе индийской стороны состоялся первый саммит Форума по сотрудничеству Индия – Тихоокеанские острова (FIPIC). Это свидетельствует о том, что Индия последовательно стремится укрепить своё влияние даже в отдаленных уголках АТР. В июне 2017 г. Индия стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Индия также активно участвует в различных транспортных и инфраструктурных проектах.

В 2016 г. в г. Токио был озвучен совместный проект Индии и Японии «Азиатско-Африканский коридор роста» (*Asia Africa Growth Corridor, AAGR*), в рамках которого планируется соединение регионов Восточной и Южной Азии с африканским континентом. Очевидная направленность этого проекта против китайской инициативы «пояса и пути» не вызывает сомнений. Концепция этого масштабного проекта была представлена в мае 2017 г. на ежегодном собрании Африканского банка развития (AfDB), которое проходило в Индии. В целом Азиатско-Африканский коридор роста включает 4 основных направления деятельности: проекты в области развития, построение инфраструктурных связей, повышение человеческого потенциала и укрепление контактов между народами. Из стран АСЕАН к проекту AAGR присоединились Мьянма, Сингапур и Таиланд. В феврале 2018 г. глава австралийского МИД Дж. Бишоп заявила о заинтересованности своей страны в присоединении к проекту. Таким образом, видна явная тенденция к интеграции идеи AAGC с такой политической инициативой Японии и США как возрождение Четырёхстороннего диалога по безопасности (Quad).

С 2016 г. ведущим исследовательским центром Индии *Observer Research Foundation (ORF)* при поддержке МИД Индии ежегодно проводится международная конференция Диалог Райсина («*The Raisina Dialogue*»). За столь короткое время конференция стала одной из ведущих площадок диалога между представителями научно-экспертного сообщества и дипломатическими кругами. В академическом сообществе «Диалог Райсина» часто называют азиатским аналогом Мюнхенской конференции по безопасности. Всё это свидетельствует о том, что Индия стремится не отставать от Китая как в выдвижении глобальных

проектов, так и в создании новых диалоговых площадок и форматов сотрудничества. В целом, Индия в последние годы заметно активизировала сотрудничество со странами АСЕАН и в начале поддерживала центральную роль АСЕАН в региональной архитектуре АТР. В январе 2018 г. Н. Моди пригласил всех лидеров АСЕАН в качестве главных гостей на ежегодное празднование Дня Республики. Это было впервые в истории, и этот жест наглядно продемонстрировал важность АСЕАН для Индии. В индийских политических кругах то и дело подчеркивают, что именно Юго-Восточная Азия является центром Индо-Тихоокеанского региона⁵. Разумеется, подобные дифирамбы в адрес АСЕАН были продиктованы тщательно продуманной стратегией, которая позволяла Индии проводить гибкую политику в регионе.

Однако, в июне 2018 г., выступая на 17-ом Диалоге Шангри-Ла в Сингапуре, Н. Моди внезапно поставил свою страну в центр новой формирующейся региональной архитектуры, чем вызвал разочарование американцев и недоумение асеановцев. В своем выступлении Н. Моди удалось совместить традиционную для индийской внешней политики позицию неприсоединения и одновременно заявить об амбициях стать региональным лидером. Присоединение Индии к Quad в странах АСЕАН расценили как понижение статуса отношений с Ассоциацией для индийской внешнеполитической стратегии. С точки зрения индийского видения будущего миропорядка, АСЕАН также теряет свои позиции системообразующего звена в ключевых политических процессах на пространстве АТР. С тех пор как концепция Индо-Тихоокеанского региона вновь стала жизнеспособной стратегией, и четыре ведущие демократии Азии – США, Япония, Индия и Австралия – возобновили Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности, в странах Юго-Восточной Азии опасения по поводу возможной утраты АСЕАН своего центрального положения в регионе только усилились⁶.

Соперничество Индии и Китая за влияние в регионе наряду с противостоянием Китая и США за глобальное доминирование является причиной большинства политических событий в АТР.

В ответ на действия Китая, Индия стала проявлять повышенный интерес к развитию морских портов в Мьянме и Иране, а также к углублению экономического и военного сотрудничества с Вьетнамом. Эти действия обусловлены опасениями попасть в окружение подконтрольных Китаю территорий в сопредельных государствах по периметру индийских границ.

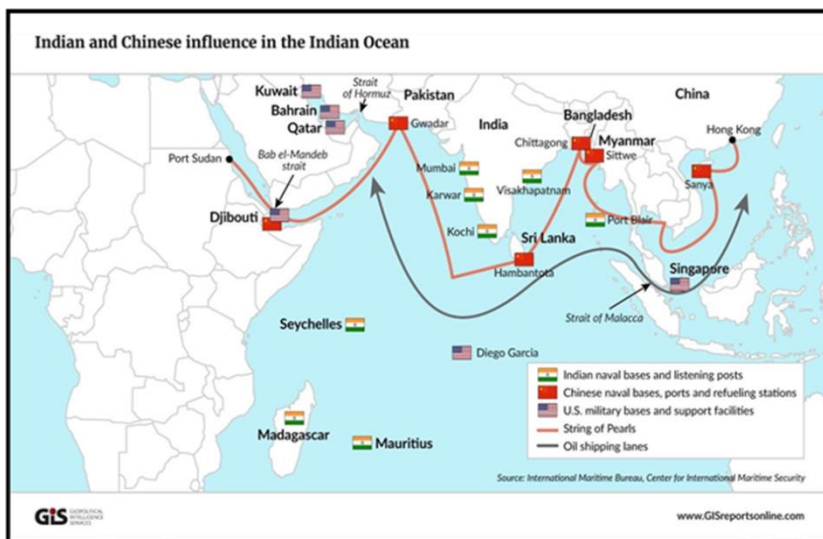

Рис. 2 Геополитическое соперничество Индии и Китая в Индийском океане. (Источник: Umbach F. *China's Belt and Road Initiative and its Energy-Security Dimensions* // RSIS Working Paper Series, NO. 320, 2019 // Mode of access: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2019/01/WP320.pdf>)

Политика Китая по отношению к территориальным спорам в Южно-Китайском море стала неотъемлемой частью его глобальной инициативы «пояса и пути». Их объединяет долгосрочная стратегическая цель – контроль над Индийским океаном, что в равной степени обусловлено как экономическими потребностями, так и соображениями безопасности. Можно говорить о том, что все ключевые направления китайской внешней политики органично дополняют друг друга. Инвестирование в строительство портов в Южной Азии, а также план строительства Тайского канала, соединяющего Бенгальский и Сиамский

заливы, являются подтверждением того факта, что стратегия «нить жемчуга» стала частью глобальной инициативы «пояса и пути». Сам этот проект, в свою очередь, является компонентом ещё более глобальной китайской стратегии по достижению статуса великой державы.

Очевидно, что Индия на данный момент не в силах обеспечить конкуренцию росту китайского экономического присутствия в зоне непосредственного соседства, поэтому Дели стремится не допустить наращивания Китаем политического и военного присутствия в сопредельных странах⁷. Геополитическое соперничество двух ведущих азиатских держав проходит на фоне их расширяющегося экономического сотрудничества и усиления взаимозависимости. Прямая конфронтация не выгодна ни Китаю, ни Индии, поэтому стороны прибегают к тактике опосредованной конфронтации, активно развивая отношения со странами – соседями своего геополитического конкурента, и создавая цепь опорных пунктов в непосредственной близости от границ друг друга⁸.

Логика создания многочисленных новых форматов проста и понятна. У всех масштабных инициатив цели и задачи совпадают – противостояние главным конкурентам, попытка найти союзников, стремление максимально эффективно отстаивать национальные интересы. Все эти мотивы по традиции прикрываются заявлениями о стремлении к взаимовыгодному партнерству. Но, как показывает опыт, в отличие от ведущих партнеров, ведомые не всегда получают какие-либо дивиденды.

РФ. Россия на протяжении последних нескольких лет последовательно продвигает евразийский вектор интеграции. Эту политику можно считать более сбалансированной, в отличие от «поворота на Восток», на котором усиленно акцентировали внимание после присоединения Крыма, кризиса на Украине и последовавших за этим западных санкций. Резкое ухудшение отношений с США и европейскими партнерами вновь актуализировали важность азиатского направления для российской политики. Но и на этом направлении есть объективные трудности, из-за которых российская инициатива на данный момент выглядит недостаточно привлекательно для зарубежных партнеров.

Первым явным упоминанием идеи Большого евразийского партнерства можно считать Послание президента РФ Федеральному собранию от 3 декабря 2015 г. Однако если внимательно следить за повесткой ключевых международных форумов, то можно заметить, что эта идея была высказана намного раньше, ещё на саммите АТЭС–2012 во Владивостоке.

Идея сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с континентальной частью китайского проекта «пояса и пути» была высказана в 2015 г., а в мае 2015 г. президент РФ Владимир Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подписали соответствующее соглашение⁹. Большое евразийское партнерство нацелено на гармонизацию повесток уже существующих институтов и проектов – АСЕАН, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, Инициативы «Пояса и Пути»¹⁰. В некоторой степени это можно считать успехом отечественной дипломатии. Теоретически, предлагаемый Россией евразийский интеграционный проект не является конкурентом китайской инициативы. Но, поскольку предложение России вовремя не получило должного институционального оформления и не было обеспечено значительными финансовыми ресурсами, то подключение к китайскому проекту можно считать удачным стратегическим ходом.

Однако идея Большого евразийского партнерства, предполагающая в идеале соединение различных организаций – БРИКС, Евразийского экономического союза, ШОС и АСЕАН, была встречена странами ЮВА довольно прохладно и не вызвала у них ответной реакции. Проект пока имеет гипотетический характер, экономически не прописан и в некоторой степени даже политически рискован для АСЕАН, стремящейся сохранить свою центральную и независимую роль в регионе¹¹. Вопреки мажорной тональности официальных деклараций, отношения между сторонами характеризуются отсутствием четкой стратегии развития сотрудничества, широкого перечня успешно реализованных проектов и развитой институциональной базы. В настроениях ЕАЭС и АСЕАН превалирует своеобразная «позитивная нейтральность»¹². В 2018 г. всё же был подписан Меморандум о взаимопонимании между АСЕАН и Евразийской экономической комиссией¹³, но этот документ носит формальный характер. Между тем, российский проект евразийской интегра-

ции не конкурирует ни с одним из других глобальных проектов, продвигаемых ведущими державами, что в перспективе может заинтересовать АСЕАН.

Россия в последнее десятилетие также инициировала ряд новых диалоговых площадок для укрепления межгосударственного взаимодействия по ключевым проблемам глобального и регионального развития. С 2012 г. Министерство Обороны РФ регулярно проводит Московскую конференцию по международной безопасности¹⁴. В 2015 г. указом Президента РФ был учрежден Восточный экономический форум (ВЭФ)¹⁵, который ежегодно проходит во Владивостоке. Форум сразу стал одной из ключевых площадок международного взаимодействия на пространстве АТР.

Размышляя о сложившейся ситуации в АТР, невольно приходит на ум поговорка, что «все новое – это хорошо забытое старое». Если внимательно следить за ключевыми событиями мировой политики, то можно заметить, что практически все недавние глобальные стратегические инициативы, по сути, являются логическим продолжением тенденций, которые наметились намного раньше. Так, предложение В.В. Путина развивать евразийское направление интеграции прозвучало ещё на саммите АТЭС в 2012 г. А китайский проект «пояса и пути» как по целям, так и по географическому охвату во многом является расширением и логическим продолжением стратегии, которая получила название «нить жемчуга». Кроме того, несмотря на бурное развитие интернета и цифровой экономики, обеспечение безопасности торговых путей и стабильное снабжение энергоресурсами по-прежнему играют заметную, если не ключевую роль в формировании масштабных геополитических инициатив. Большинство рассмотренных глобальных инфраструктурных проектов наглядно демонстрируют обоснованность этого положения.

Как известно, новые структуры, как правило, создаются в случае, когда уже действующие механизмы оказались не достаточно эффективными. К примеру, по мнению многих экспертов, проект ТТП был обусловлен тем, что американские ТНК не могли достаточно эффективно отстаивать свои интересы через уча-

стие в АТЭС. Однако ведущие державы не только иницируют новые форматы сотрудничества, но и стараются переформатировать уже существующие структуры под свои нужды. Один из наиболее характерных примеров – ВРЭП. Изначально инициатором этого соглашения выступали страны АСЕАН (по предложению Индонезии), но потом этот формат сотрудничества стал прочно ассоциироваться с Китаем как противовес продвигавшемуся США ТТП.

Наиболее масштабным проектом АСЕАН с целью укрепления интеграции в глобальную экономику является создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП, *The Regional Comprehensive Economic Partnership*, RCEP). Фактически, это соглашение является дальнейшим развитием экономического взаимодействия в рамках уже действующих форматов АСЕАН+3 и АСЕАН+6. Переговоры о создании ВРЭП были инициированы на саммите АСЕАН в ноябре 2012 г. в Пномпене (Камбоджа). Скептики утверждали, что подписание соглашения маловероятно вследствие значительного различия в уровне экономического развития потенциальных участников. Тем не менее, в ноябре 2020 г. АСЕАН и партнеры по диалогу подписали соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли¹⁶. Участниками соглашения стали 10 стран АСЕАН, а также Китай, Япония, Республика Корея, Австралия и Новая Зеландия. В конечном итоге документ был подписан без Индии, которая вышла из переговорного процесса.

Расширяется повестка дня действующих объединений, на которых начинают обсуждаться вопросы, изначально не входившие в компетенции данных форматов. К примеру, Китай и РФ активно используют участие в других интеграционных механизмах для продвижения своих глобальных проектов. Кроме того, нередко забытые форматы сотрудничества, признанные неэффективными, получают вторую жизнь в случае изменения геополитической или мировой экономической ситуации. Здесь нужно упомянуть, в первую очередь, возрождение квартета Quad в составе США, Японии, Индии и Австралии.

Как подчеркивает Б. Хе, США смогли стать сверхдержавой именно благодаря тому, что создавали и развивали такие глобальные институты как Всемирная торговая организация

(ВТО) и Всемирный банк (ВБ), а также систему военных альянсов. Администрация Д. Трампа подорвала те самые институты, на которых и была построена глобальная мощь США. Для Китая настал удобный момент, чтобы заполнить образовавшийся вакуум эффективных международных институтов и перекроить глобальный миропорядок в свою пользу¹⁷.

Таким образом, проведенный анализ эволюции внешнеполитических концепций ведущих держав АТР в период с 2010-х гг. до 2020 г. позволяет сделать вывод о том, что стратегические инициативы США, Индии, Японии и РФ во многом уступают китайским проектам как по масштабу, так и по времени начала активного продвижения. В отличие от Китая, другие страны запаздывают с провозглашением глобальных стратегий и официальными разъяснениями своего видения нового миропорядка.

Фактически, Китай перехватил у АСЕАН инициативу в плане формирования региональной архитектуры. Идею ВРЭП изначально сформулировали страны АСЕАН, но впоследствии активно продвигать заключение этого соглашения стал Китай. Кроме того, Китай активно использует форматы субрегионального сотрудничества, которые сложились на базе АСЕАН ещё в 1990-е гг., для продвижения своих проектов. Если проанализировать другие политические инициативы Китая, становится очевидно, что руководство КНР перенимает многие прогрессивные наработки АСЕАН. Это относится и к функциональному расширению формата БРИКС, и к активному привлечению научно-экспертного сообщества для обсуждения важнейших проблем на международных диалоговых площадках, и к попыткам предложить новые форматы сотрудничества, которые в перспективе могут отодвинуть на второй план структуры, функционирующие под эгидой АСЕАН. Важно отметить, что именно по инициативе АСЕАН были установлены отношения Ассоциации с другими интеграционными группировками – АСЕМ, ВАЗЛАФ, Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА)¹⁸. В некоторой степени лидеры АСЕАН предвосхитили современные тенденции интенсификации развития трансрегионального сотрудничества. В связи с этим наметившееся отставание АСЕАН в области выдвижения новых глобальных инициатив становится особенно заметным.

В странах АСЕАН осознают, что с выдвиганием новых масштабных геополитических проектов роль Ассоциации в качестве всеми уважаемого посредника и системообразующего ядра большинства интеграционных структур заметно маргинализируется. В последнее десятилетие все ключевые страны АТР последовательно развивали и углубляли сотрудничество с АСЕАН как региональной группировкой, но поддержание принципа асеаноцентричности на пространстве АТР уже практически не фигурирует в официальных выступлениях на высшем уровне. Тем не менее, руководство Ассоциации опубликовало свое видение того, как должна выглядеть региональная архитектура в новом геополитическом пространстве Индо-Пасифики (*ASEAN Outlook on the Indo-Pacific*)¹⁹, где по-прежнему подчеркивается, что именно АСЕАН должна находиться в центре всех наиболее значимых международных структур. Документ, в котором изложено видение АСЕАН относительно концепции Индо-Тихоокеанского региона, состоит из традиционных тезисов о необходимости сохранения центральной роли Ассоциации в региональной архитектуре. Однако в нем не предлагается никаких конкретных мер по достижению столь амбициозной задачи в современных реалиях²⁰. Каких-либо институциональных нововведений этот программный документ также не содержит.

У АСЕАН есть опыт успешного взаимодействия с самыми разными партнерами на региональном, субрегиональном и глобальном уровнях, но ключевые асеаноцентричные диалоговые площадки в перспективе могут оказаться на периферии мировых политических процессов. Ведущие державы активно продвигают новые интеграционные проекты, которые во многом копируют организационную структуру и принципы работы международных организаций на базе АСЕАН, и при этом оттесняют на второй план своих идеологических предшественников. Асеаноцентричные диалоговые форматы уже в ближайшее время могут стать политическим анахронизмом, которым все будут отдавать дань уважения, но ключевые решения будут приниматься на других площадках. Эпоха, когда АСЕАН инициировала новые форматы международного диалога и занимала в них «водительское кресло» с одобрения великих держав, подошла к концу. В

перспективе более глобальные проекты сотрудничества будут вытеснять форматы сотрудничества, созданные на базе АСЕАН. На глобальном уровне АСЕАН вряд ли сможет выдвинуть более привлекательные проекты, чем уже существующие. Вопрос в том, сможет ли Ассоциация грамотно использовать свой опыт и дипломатический авторитет, чтобы вовремя подключиться к участию в новой архитектуре международного взаимодействия и занять выгодное положение в мировом сообществе.

¹ Сообщество АСЕАН в современном мире: монография / Г.М. Локшин, Е.В. Кобелев, В.М. Мазырин. М., 2019. С. 213

² Boao Forum for Asia // URL: <http://english.boaoforum.org/en/index.html>

³ Beijing Xiangshan forum // URL: <http://www.xiangshanforum.cn/>

⁴ Лебедева Н.Б. Китайские инициативы Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути VS индийские проекты «Mausam», «Spice Road», «Sagar Mala» и «Cotton Routes» (проблемы, перспективы, реакция) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2015, Выпуск № 26, С. 26-57, С.52

⁵ Mukherjee R. Looking West, Acting East: India's Indo-Pacific Strategy // South-east Asian Affairs, Volume 2019, P. 43-51, P. 47

⁶ Mukherjee R. Looking West, Acting East: India's Indo-Pacific ... P. 43-51, P. 43.

⁷ Куприянов А. В. Индия и Китай: игра с ненулевой суммой // Мировая экономика и международные отношения, 2020, т. 64, № 6, С. 133-141, с. 137 // URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-133-141>

⁸ Волхонский Б.М. Индийский океан как арена геополитического соперничества Китая и Индии // Проблемы национальной стратегии, № 1 (22) 2014, С. 31-45, с. 37-38 // URL: https://riss.ru/images/pdf/journal/2014/1/05_.pdf

⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>

¹⁰ Канаев Е.А., Королев А.С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019, Т. 12. № 1. С. 26-43. // URL: DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43, С. 28.

¹¹ Рогожин А.А., Рогожина Н.Г. Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики «поворота к Азии» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019, Т. 12. № 1. С. 185–203 // DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-185-203, С. 195.

¹² Канаев Е.А., Королев А.С. ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения, 2020, Т. 64, №1, С. 64-72 // DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-64-72, С. 65-66.

¹³ Memorandum of Understanding between ASEAN and the Eurasian Economic Commission on Economic Cooperation // URL: https://asean.org/storage/2018/11/MOU-between-ASEAN-and-the-EEC_Signed-English.pdf

¹⁴ Московская конференция по международной безопасности // URL: <http://mil.ru/mcis/index.htm>

¹⁵ Восточный экономический форум // URL: <https://forumvostok.ru/>

¹⁶ АСЕАН и партнеры подписали соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10005211>

¹⁷ He B. Regionalism as an Instrument for Global Power Contestation: The Case of China, *Asian Studies Review*, 2020, 44:1, P. 79-96, P. 84 // URL: DOI: 10.1080/10357823.2019.1691503

¹⁸ Ефремова К.А. АСЕАН как нормативная сила: предметное поле дискуссии // *Сравнительная политика*, 2019, № 4 – С. 97-107, С. 105 // URL: DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10044

¹⁹ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf

²⁰ Mueller L.M. ASEAN centrality under threat – the cases of RCEP and connectivity // *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 2019 // URL: <https://doi.org/10.1080/24761028.2019.1691703>